

Михал Глушковски
(*Университет Николая Коперника, Торунь, Польша*)

Особенности языка среднего поколения старообрядцев сувальского и августовского регионов¹

В сувальско-августовском регионе (северо-восточная Польша) старообрядцы появились в конце XVIII века. С тех пор их язык, а также социальная ситуация, экономика и культура подвергались многим изменениям. Практически до начала XX столетия общины староверов, проживающих в окрестностях гг. Сувалки и Августов, принадлежали к полосе миграции старообрядческих поселений – от Великих Лук и Пскова в России, через территорию стран Балтии и Белоруссии до северо-восточной Польши. В то время далеко не все старообрядцы были двуязычными, а их говор развивался в постоянном контакте с общим русским языком, так как этот регион входил в состав Российской Империи [Гжибовский, Глушковский 2008: 200-202]. Возрождение независимого польского государства в 1918 г. отделило старообрядцев этого региона от русского языка, а также от многих единоверцев в Литве и СССР, но всё ещё поддерживался контакт со староверами, расселёнными на территории II-ой Речи Посполитой. Время между I и II мировой войной стало началом массового билингвизма у старообрядцев в Польше, и тогда началось серьёзное влияние польского языка на их говор. До тех пор, пока общение с польскоязычным окружением не было интенсивным и ограничивалось временем учёбы в начальной школе (в зависимости от условий: 4 до 7 лет) и редкими контактами с администрацией, средневеликорусский диалект сохранял не затронутой свою грамматику и большую часть лексики. Коренное изменение социальной ситуации старообрядческих общин в Польше произошло после II Мировой войны и образования Польской Народной Республики. Многие цивилизационные и демографические процессы вместе с отрывом польских общин

¹ Статья написана в рамках гранта Национального центра науки OPUS № 2011/01/B/HS2/00505 *Dokumentacja rosyjskiej gwary staroobrzędowców w północno-wschodniej Polsce – internetowa baza danych.*

от единоверцев Латвии и Белоруссии, постепенно привели к тому, что сохранение прежней изоляции от внешнего мира оказалось невозможным [Гжибовский, Глушковский 2008: 201].

В послевоенное время усилились различия в стиле жизни и языке очередных поколений. Если жизнь старообрядцев рождённых в 1920 и 1930 гг. проходила в главном в пределах родной деревни, в собственном сельском хозяйстве, у их детей и внуков это было уже невозможно. Интенсивные контакты с польской администрацией, образовательной системой и польскими сотрудниками по месту работы, привели к разрушению равновесия в использовании польского языка и русского диалекта в рамках диглоссии [см. напр. Głuszkowski 2009]. Употребляемый в школе и на работе польский язык стал постепенно вытеснять русский говор из его традиционных сфер использования.

Наши исследования опираются на записях речи старообрядцев, собранные участниками 12 научных экспедиций, организованных сотрудниками, аспирантами и студентами Института славянской филологии Университета Николая Коперника в Торуня, под научным руководством проф. С. Гжибовского в гг. 1999-2011 (в экспедиции 2000 г. принимали участие сотрудники ИРЯ РАН).

В начале XXI в. в общинах польских староверов ещё живут люди, рождённые до окончания Второй мировой войны (самые пожилые из них родились в 20-ые гг. XX в.²), которые в наших исследованиях определяются как старшее поколение. Социополитические условия, в которых воспитывались люди, рождённые после 1945 г., совсем другие (они считаются средним поколением). Следующий перелом связан с дальнейшими цивилизационными изменениями, которые отразились на языковой ситуации староверов, рождённых после 1970 г. (младшее поколение³). В языке старшего поколения сохранилось довольно много структурных черт говора первых старообрядцев в Польше. Ирида Грек-Пабис отнесла данный диалект к средневеликорусской группе псковских говоров. С третьего десятилетия XX в. , когда польские старообрядцы потеряли контакт с большинством своих единоверцев в России, Беларуси и странах Балтии, их языковую ситуацию можно описать в категориях языкового острова. Поэтому современные псковские говоры не могут быть точкой соотнесения для актуального состояния говора, употребляемого старшим поколением старообрядцев, проживающих в Польше, так как русский языковой материк и диалект-

2 Большинство наших информантов, рожденных в 20-ые гг. XX в. и раньше уже нет в живых, но в архиве и осуществляемой сотрудниками УНК базе данных хранятся записи их речи.

3 В рамках младшего поколения выделяются две группы: а) взрослые люди, закончившие образование и работающие, у которых часто уже есть свои семьи (1970-1992) и б) дети и учащаяся молодежь (рожд. в 1993 г. и позже) [ср. Głuszkowski 2011: 72-74; 320-325].

ный остров развивались разными путями. Итак, в области фонетики они сохранили, напр., реализацию заударного *a* в виде *y*: *j'exyl, rab'otyl*, а также аканье и яканье: *vad'a, maj'a, p'as'ok, d'ad'of*. У многих представителей старшего поколения сохранился протетический йот в указательных местоимениях *j'etat, j'eta, j'eta* или *j'etava* [ср. Grek-Pabisowa 1968: 32]. Йот выступает также в начальном слоге личных местоимений: *jon, jan'a, jan'o*, что можно объяснять уподоблением форм именительного падежа к косвенным падежам⁴ [Głuszkowski 2011: 147]. Консонантизм говора, в свою очередь, подвергся сильному влиянию польского языка и лишь у немногих пожилых информантов напоминает исходную систему средневеликорусского диалекта и находится в пределах русской нормы [см. Гжибовски 2010: 74-75]. Словоизменение имен и глаголов у старшего поколения, как в случае собственной лексики говора, так и ассимилированных заимствований, немногим отличается от прежнего состояния говора и в свою очередь в структурном отношении (т. е. по типам склонений и спряжений) близко к литературным. Однако следует обратить внимание на такие псковские диалектные черты, как синкретизм форм родительного и дательного падежей у существительных женского рода, напр. род. *v b'aby*, дат. *k b'aby*, род. *b'abk'i*, дат. *b'abk'i*, форм дательного и творительного падежей мн. числа, напр. *k d'et'am* и *s d'et'am*, унификацию окончания *-ov* для родительного падежа мн. числа с твердой основой, формы инфинитива глагола *идти* в виде *-it'it'*, напр. *naĭt'it', pr'ij'it'*, своеобразные формы сравнительной степени *l'ag'oše, kr'ap'oše* [Grek-Pabisowa 1968] и т. п. Морфология говора пока не испытывает сильного влияния со стороны польского языка. Но синтаксис говора в настоящее время даже у самых пожилых старообрядцев не выдерживает напора польской системы. Итак, они используют глагол *иметь/mieć* для выражения самых разнообразных семантических отношений – поссесивность (*m'ajet s'estru, m'ajut dom*), предстоящее событие (*ješč'og'od'ik m'ajet uč'ytša*), определение возраста (*m'ajet dv'en'ac:at'got, ja m'ela s'em got*), наличие/отсутствие возможности выполнить какое-нибудь действие (*m'el'i što d'elat', ne m'el'i što kupl'at'*) [см. Гжибовски 2010: 72-73]. Глагол *mieć* выступает в таких фразах в ассимилированной форме, спрягающейся по русской парадигме, и, как видно, копирует значение и функции польского первообраза: *m'ajet s'estru'u, m'ajet dv'en'adcat' god, m'ajet 'eta sd'elat'*. Именное сказуемое в настоящем времени выступает со связкой *j'ešća/ješč'* также в настоящем времени, как и в польском языке, напр. *ja ne j'ešća nacional'ist; j'eta vot už e ješč'čelav'ek* [Głuszkowski 2011: 148]. Несмотря на сильное влияние польского языка на говор староверов, особенно в области лексики и синтаксиса, представители старшего поколения свободно пользуются традиционным диалектом, который является

⁴ Подобные процессы наблюдаются и в других русских диалектах [Касаткин 2005: 137].

их основным языком. Они способны его использовать практически во всех сферах жизни, в высказываниях на разные темы.

Младшее поколение, в свою очередь, употребляет прежде всего польский язык, а употребление говора ими ограничивается коммуникативным минимумом. Большинство молодых информантов пользуется ограниченным кодом (по классификации Б. Бернштейна); их высказывания на диалекте – просты, полны мысленных сокращений, относящихся к конкретной реальности [Głuszkowski 2006: 252-253]. Из исконной лексики говора выводится лишь основной словарный запас, а все попытки перейти на уровень развитого кода или употребления более сложных конструкций приводят говорящих к заимствованиям, калькированию и переключению кода на польский [ср. Paško-Konecniak 2011: 68]. Ярким примером современного состояния языка младших старообрядцев является текст, записанный у 13-летнего информанта. Молодой человек, рассказывая сказку о Красной Шапочке, употребляет польскую лексику⁵:

*był sab 'e Červ'onyj Kapt'uryk*⁶ || *on m'ešk'at*⁷ v d'omu | *tam ž'yła jev'ò m'ama* | *p'apa i... i fš'o* || *a b'abka m'ešk'ala* za las'om || *i m'ama sp'ekła b'ulku i nagatav'ala*⁸ jišć || *i m'ama pav'ež'ala*⁹ dla Červan'ova Kapt'urka | *št'oby zań'osła*¹⁰ jišć b'abk'e || *i Červ'onyj Kapt'uryk zgaž'iš'a*¹¹ || *i m'ama skaz'ala* | *št'oby an'a iš'l'a drag'oj* | *ne l'esam* | *bo m'oget napatk'ac'*¹² v'olka || *i an'a pov'ež'ala* | *že d'obra*¹³ | *ale ona paš'l'a l'esam* || *iš'l'a* | *zerv'ala kv'at'uškuf*¹⁴ i *napatk'ala* v'olka

Среднее поколение – промежуточное; в нём можно встретить индивидов, пользующихся диалектом как первым языком и основным средством коммуникации, а также людей, почти забывших традиционный староверский говор. Кроме того, у среднего поколения можно наблюдать заметное влияние общерусского языка, так как большинство старообрядцев в среднем возрасте обучалось русскому языку в школе. Различия в языковом поведении и количестве сохранённых характерных черт говора можно объяснить социальными и психическими факторами, формирующими отдельные идиолекты представителей среднего поколения описываемой группы.

5 Жирным шрифтом выделены ассимилированные заимствования, а неадаптированные польские слова подчеркнуты.

6 Красная Шапочка.

7 жил.

8 сварила.

9 сказала.

10 занесла.

11 согласился.

12 встретить.

13 сказала, что ладно.

14 сорвала цветков.

Для информантов, рожденных до 1945 г., русский был первичным языком, на котором говорили все члены семьи, соседи и знакомые. После окончания учебы, которая в сельских местностях продолжалась обычно около шести лет, они по-прежнему работали на земле своих родителей, а потом вступали в браки с представителями своей общины. Таким образом, их язык изменялся лишь в небольшой степени, а влияние всех первичных групп было гомогенным. Система образования в Польше после войны, а также общие цивилизационные изменения привели к изменению этой ситуации. Многие представители среднего поколения¹⁵ исследуемой нами группы (т. е. рожденные в 1946–1970 гг.) ходили в школу не 6-7 лет, а не менее 10-12, из чего последние годы в средней школе (лицей, техникум, ПТУ), которая всегда находилась в некотором расстоянии от места жительства, многие учились в школах с интернатом. После окончания учёбы большинство информантов возвращались домой, но влияние польских сверстников – школьных коллег и одноклассников, было направлено совсем в другую сторону, чем первичных групп [Głuszkowski 2011: 203-205]. Те, которые после окончания средней школы покинули деревню и стали работать в городе, стали постепенно забывать о вероисповедании, культуре и языке предков, особенно если получили высшее образование и вступили в смешанные браки. Надо подчеркнуть, что если у старообрядцев, проживающих вне традиционно старообрядческих местностей (деревень Габова Гронды, Бур, Водзилки и Буда Руска, а также городов Августов и Сувалки) супруг является католиком, то они очень быстро ассимилируются с польской средой и воспитывают детей в вероисповедании и языке большинства населения Польши [Głuszkowski 2011: 86].

Примером такого представителя среднего поколения с хорошо сохранённым говором является мужчина 1951 г. рождения, живущий в д. Габова Гронды около Августова. В основном он общается с людьми среднего и старшего поколения, а из-за слабого здоровья редко выезжает из своей деревни. Он учился в техникуме в большом городе и успешно его закончил. У него не было проблем ни с учёбой, ни с овладением польским языком, несмотря на то, что первым серьёзным контактом с польским языком было для него начало школьной учёбы (до 7 года жизни он говорил только на русском диалекте). В идиолекте этого информанта сохранилось много явлений типичных для старообрядческого говора. Например, он факультативно произносит *v* вместо *u* в безударной позиции в предлогах и префиксах: *v m'amy, vd'ar'iloś*. Редуцированный гласный *u* него часто реализуется как [y], напр. *ja ċ'asym samax'odym j'edu*. В зарегистрированном материале выступает также личное местоимение *jon*, напр. *a jon tak dor'yvča rab'otajet*.

15 Хотя в данной статье анализу подвергаются мужские идиолекты, социолингвистическая характеристика поколения относится также к женщинам, которых речь будет описана в других текстах, подготавливаемых в рамках гранта Национального центра науки Республики Польша [см. сноска №1].

В речи нашего информанта в форме третьего лица ед. ч. глагола *мочь*: *m'og'et* происходит выравнивание основ с 1 лицом ед. ч.: *ruk'a nie m'oget drgn'uć*. Информант употребляет также свойственное диалекту его деревни вопросительное местоимение *xto* [Grek-Pabisowa 1968: 124], напр.: *xto tam nie byl ni r'azu*. В парадигме спряжения у него замечается унификация безударных окончаний 3 лица мн. ч. I и II спряжения, напр.: *jeść b s pól čas'a m'ol'utsa; dv'e p'ačk'i ź'enna k'ur'ut* [Głuszkowski 2011: 191-192].

Наш информант учился русскому литературному языку в основной и средней школе. Общерусский язык не вытеснил из его идиолекта традиционного говора и не повлиял на него в значимой степени. Однако в собранном материале замечаются некоторые явления, свидетельствующие о его контакте с общерусским языком, напр., употребление существительного *класс* (*klas*) в мужском роде согласно норме русского литературного языка: *paś'ol v p'ervyj klas*, в то время как большинство информантов употребляет это слово, как и в польском языке, в женском роде – *kl'asa*. Информант чаще всего выражает принадлежность при помощи глагола *m'et'*, но знает также свойственную русскому литературному языку конструкцию *u m'eń'a* (*jest'*). Когда его спросили: *У вас есть брат или сестра?*, он сначала уточнил *Czy ja maju?* а потом в ответе применил конструкцию, появившуюся в вопросе исследователя: *u m'eń'a jeść dva brata i čet'yr'e sęstr'y*. Другие информанты на вопросы этого типа отвечали, употребляя конструкции с *m'et'* [Głuszkowski 2011: 191].

Разницу между идиолектами представителей среднего поколения старообрядцев показывает сопоставление двух сходных языковых биографий. Они вызваны не только региональной варианризацией языковой ситуации старообрядцев, но и жизненными путями обоих информантов [ср. Глушковски 2010: 178]. Первый случай относится к мужчине, родившемуся в 1947 г.¹⁶ в небольшой деревне близ города Сувалки. В родной местности информанта, кроме его семьи были только два старообрядческих дома. Остальную часть населения составляли поляки – католики. Несмотря на преимущество польскоязычного окружения, в доме информанта все общались на традиционном диалекте. Окончив основную школу, он учился и работал в городе. Образование продолжал также на высшем уровне. Когда умерли его родители, информант относительно редко встречался с родственниками, говорящими на диалекте, а в городе жил и работал в польском языковом окружении. Как в вузе, так и на работе он имел контакт с общерусским языком, этот код вытеснил традиционный говор из его идиолекта. Информант сочетает свое старообрядчество не с конкретным вариантом языка, а с участием в религиозной жизни общины, соблюдением постов и традиционных культурных прав, а также с уважением к традиционным ценностям. Поэтому он не считает, что говор не заслуживает бережливого

¹⁶ Идиолект информанта M1947 описан подробнее в: [Głuszkowski 2011: 181-183].

к нему отношения. Но в настоящее время он уже не в состоянии говорить на диалекте.

Информант вполне осознает различия между языком его дедов и родителей и общерусским языком: *u nas pr'ínato b'yla razgav'ar'ivać na ruskom jizyk'e | no né na 'liter'ackam r'uskom jizyk'e; rad'tit'el'i nav'erna gavar'il'i jizyk'om prast'ack'im*¹⁷ и замечает: *č'ysta na r'uskam jizyk'e né um'eju razgav'ar'ivać*. Конечно, в его речи есть польское влияние: заимствования и кальки, свойственные всем полякам, обучающимся русскому языку. У информанта проявляются случаи гиперкорректности – он старается избежать просторечия и диалектной речи, которая была для него проблемой, когда начинал школьную учёбу, а также мешала ему в повышении социального статуса. Например, он сказал: *izuč'at' r'uskamu jazyk'u*, потому что глагол *изучать* казался ему стилистически более высоким, чем *учить, учиться* что в эфekte привело к девиационной конструкции: *изучать* (чему?). В речи нашего информанта нет большинства проявлений интерференции, типичных для его сверстников, говорящих на диалекте, напр. выражения категории притяжательности при помощи конструкций с глаголами *m'et'*, или калькирования польских синтаксических моделей выражения временных отношений или возраста типа *ja m'aju dv'adcat'got*.

Второй информант, происходящий из д. Габове Гронды около Августова, 1959 г. рождения¹⁸, тоже покинул родную деревню. После окончания средней школы, а потом также вуза, поселился в городе. Он жил в польском окружении, а на работе часто пользовался общим вариантом русского языка, но в отличие от вышеописанного информанта, у него был постоянный контакт с говором, так как время отпуска он обычно проводил в родной деревне. Он чувствует себя старообрядцем и принимает участие в религиозной и общественной активности группы, но говор, как таковой, не считает большой ценностью. Из-за постоянного контакта со староверским диалектом, которым он пользуется в Габовых Грондах, диалект предков не вытеснен из его идиолекта общим русским языком. Информант способен различать диалектный и общий вариант языка, а интерференция в его русских высказываниях обусловлена используемым в данный момент стилем. В его речи замечаются диалектно-общерусские колебания, напр., он употребляет существительное *класс* в мужском и женском роде (это обусловлено влиянием польского языка, но в говоре польских старообрядцев считается нормой): *at ftar'ova kl'asa uč'yl'i r'uskyj jaz'yk; p'atoj šest'oj kl'asy | šest'oj kl'asy 'eta s'amaja x'udšaja z'eml'a*. Большинство старообрядцев не знают предлогов *потом, позже* и для выражения последствия употребляют только предлог *после*, но наш информант применяет также *потом*: *pat'om ań'i uj'exal'i*. Общерусское влияние в его речи заметно также на фонетическом

17 Говорили на простом (грубом) языке.

18 Идиолект информанта М1959 описан подробнее в: [Głuszkowski 2011: 192-196].

уровне: он факультативно произносит польские палатальные согласные *ć*, *ź*, *ż*, *ś* и русские палатализованные *t'*, *z'*, *d'*, *s'*, в то время как у большинства представителей среднего поколения выступает польская корреляция твердости-мягкости [ср. Гжибовски 2010: 74-75].

Когда информант говорит на диалекте, в его речи появляются исконные диалектные формы, а также заимствования и кальки, которые наблюдаются и у других членов его коммуникативной общины, напр. конструкция, связанная с представлением чьего-либо имени: *on nazyv'ajetsa X; ja nazyv'ajus'Y*. Под влиянием польского языка и выступающих в нем временных конструкций типа *od tej pory*, *od drugiej klasy*¹⁹ и т. д., описывая начало какого-либо действия, информант, как и другие жители его родной деревни, употребляет конструкции *at + pod. надеж*, напр. *n'aša kl'adbišča b'yla asnav'ana v t'yšača vašems'ot ś'emžešatom gad'u i at toj par'ŷ net innav'erca; at vtar'ova kl'asa uč'yl'i r'uskyj jaz'ŷk*. В его речи выступают разные синтаксические кальки, напр. в высказывании: *'učus'sam i sprašyvaju st'aršyx ž'enščyn* копируется польская синтаксическая модель *pytać się kogoś* (вин. падеж). Кроме того, прилагательное *st'aršyj* под влиянием польск. *starszy* приобретает новое значение 'пожилой человек'.

Для выражения поссесивных отношений информант употребляет свойственную говору польских старообрядцев конструкцию, напр. *my m'ajem sva'i slav'a vyd'umannyje*. Глагол *m'et'* выступает у него также в функциях, упомянутых выше: *my tež m'ajem č'em gard'htsa*, вместо рус. литературного *у нас (или нам) есть чем гордиться*. Однако информант знает конструкцию *у меня (есть) + вин. пад.*; когда он заметил, что использовал нелитературное выражение, немедленно исправился: *my m'ajem | u nas j'ešča pr'iglaš'eñje*. Этот пример подтверждает, что структура идиолекта нашего информанта – сложная: в коротком высказывании кроме польского и русского литературного языка можно заметить элементы диалектного кода: ассимилированную форму *m'ajem*, а также связку *ješča* в именном сказуемом. Из других характерных черт местного говора у этого информанта sporadически выступает окончание *-ut* в 3 лице мн. ч. I и II спряжения в безударном положении, напр. *sm'otr'ut str'anno na čelov'eka*, а также форма 3 лица мн. и ед. ч. прошлого времени глагола *idt'i*, типичная для диалекта польских старообрядцев: *sl'užby išl'i všo vr'em'a*.

В среднем поколении исследуемой нами общины можно выделить несколько типов идиолектов:

- а) сохранение говора у жителей старообрядческих гомогенных сельских общин;
- б) вытеснение говора из идиолекта общерусским языком у людей, которые не порывают с религией, традицией и групповыми цен-

¹⁹ С того времени, с второго класса.

ностями старообрядчества, но диалект для них не является значимым компонентом идентичности;

в) функционирование говора параллельно с общим вариантом русского языка у людей, поддерживающих связи со своей общиной, в которой основным средством коммуникации является говор, но одновременно (напр. на работе) говорят на литературном русском языке;

г) языковая смена у людей, которые воспитывались в старообрядческих общинах, но после окончания школы переселились в города и другие районы Польши и не поддерживают связей со своими единоверцами и не признают групповых ценностей и традиций.

В исследуемой сотрудниками УНК группе больше всего информантов представляет типы а) и г). Нами пока что зарегистрирована речь или опрошены 46 представителей среднего поколения, в дальнейших исследованиях пропорции могут измениться.

Литература

- Гжибовски 2010 – С. Гжибовски. Гибридизация русского старообрядческого говора в Польше // *Studia Rossica Posnaniensia*, vol. XXXV: 2010
- Гжибовский, Глушковский 2008 – С. Гжибовский, М. Глушковский. Социолингвистическая ситуация старообрядцев в деревнях Габове Гронды и Бур // Касаткин (ред.) 2008
- Глушковски 2010 – М. Глушковски. Территориальная разновидность говора польских старообрядцев (На примере избранных идиолектов сувальского и августовского регионов) // *Głuszkowski, Grzybowski (red.) 2010*
- Касаткин 2005 – Л. Л. Касаткин. Русская диалектология. Москва: Academia
- Касаткин 2008 – Л. Л. Касаткин (ред.). Русские старообрядцы: язык, культура, история. Сборник статей к XIV Международному съезду славистов. Москва: Языки славянских культур
- Głuszkowski 2006 – М. Głuszkowski. Язык молодого поколения старообрядцев деревень Габове Гронды и Бур // *Slavia Orientalis*, LV, 2/2006
- Głuszkowski 2009 – М. Głuszkowski. Dyglosja w społeczności staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego // *Socjolingwistyka*, 22-23/2009
- Głuszkowski 2011 – М. Głuszkowski. Socjologiczne i psychologiczne uwarunkowania dwujęzyczności staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego. Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK
- Głuszkowski, Grzybowski 2010 – М. Głuszkowski, S. Grzybowski (red.). Staroobrzędowcy za granicą. Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK

Grek-Pabisowa 1968 – *I. Grek-Pabisowa*. Rosyjska gwara starowierców w województwach olsztyńskim i białostockim. Wrocław-Warszawa-Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich

Paško-Koneczniak 2011 – *D. Paško-Koneczniak*. Wpływ polszczyzny na zasób leksykalny gwary staroobrzędowców na Suwalszczyźnie. Toruń: Wydawnictwo Naukowe UMK

Charakterystyka języka średniego pokolenia staroobrzędowców regionu suwalskiego i augustowskiego

Choć pierwsi staroobrzędowcy pojawili się na polskich ziemiach już w II poł. XVII w., o poważniejszych zmianach ich sytuacji językowej możemy mówić dopiero od lat 20. XX w. Zróżnicowania pokoleniowe osiągnęły swoje apogeum na początku XXI w. Najstarsi członkowie badanej przez nas wspólnoty zachowali większość rosyjskich cech gwarowych, a przedstawiciele młodego pokolenia przejawiają tendencje do zmiany językowej. Pokolenie średnie jest przejściowe i zróżnicowane wewnętrznie. W artykule omawiane są społeczne uwarunkowania zjawisk językowych i kwestie zachowania dialektu.

Characteristic Features of the Language of the Old Believers' Middle-aged Generation in Suwałki and Augustów Region

Although first Old Believers migrated to Poland in the 2nd half of the 17th century, severe changes in their languages situation has been observed only since the 1st quarter of the 20th century. The generational differentiation of their idiolects became strongest in the beginning of the 21st century. The oldest members of the community of our interest maintain most of the Russian dialectal features, and the representatives of the young generation tend to abandon their mother tongue. The middle-aged generation is transitional and internally differentiated. The article discusses social conditions of language phenomena and the question of dialect maintenance.